

Бухарская смута.

Бухарская смута, повлекшая за собой столько жертвъ хотя и успокоилась, но всё сходится на одномъ мнѣніи, что это успокоеніе временное, затишье передъ новой бурей и что будущее Бухары чревато многими печальными событіями.

Пріѣзжіе изъ Бухары, пережившіе эпоху „кровавыхъ дней“ говорятъ въ одинъ голосъ, что смута улеглась только на время, что жизнь персовъ въ Бухарѣ попрежнему находится въ опасности и что муллы сунниты не успокоятся до тѣхъ поръ, пока у власти въ Бухарѣ не останется ни одинъ персъ-шіитъ.

Въ настоящее время уже ни для кого не является тайной, что кровавое волненіе въ Бухарѣ имѣло въ основѣ исключительно политическую подкладку и имѣло цѣлью свергнуть съ пьедестала бухарскихъ сановниковъ персовъ шіитовъ, приведшихъ бухарскій народъ хищническою налоговою системою къ полному обнищанію и разоренію.

Волненія въ Бухарѣ не явились случайными, они уже давно подготавливались, ихъ можно было ожидать, и только наше бухарское политическое агентство оказалось настолько близорукимъ и неосвѣдомленнымъ, что не замѣтило того, что творилось у него подъ „самымъ носомъ“.

Бухарскій народъ буквально изнываетъ подъ непосильнымъ игомъ ненавистныхъ чиновниковъ, начиная отъ высшихъ и кончая низшими.

Вся бухарская политика ведетъ исключительно къ тому, чтобы выколотить съ населенія какъ можно больше податей и это обстоятельство служило и всегда будетъ служить причиной кровавыхъ столкновений въ Бухарѣ, до тѣхъ поръ, пока бухарскій строй не будетъ въ корнѣ реформированъ.

Бухарскій строй, несмотря на всё новыя вѣянія, остался тѣмъ же, какимъ онъ былъ до покоренія нашими войсками Средней Азіи. Въ 1867 году походъ русскихъ противъ Бухарскаго ханства закончился полнымъ пораженіемъ послѣдняго. Оно утратило свою внѣшнюю независимость, превратилось въ вассальное, но въ полной мѣрѣ сохранило всю свою несовершенную, чисто азіатскую систему управленія и эта система въ полной силѣ, безъ всякихъ измѣненій сохранилась до нашихъ дней.

Вотъ какъ рисуетъ эту систему приватъ-доцентъ московскаго университета П. Головачевъ.

„Вся система бухарскаго управленія скопирована съ той, которая нѣкогда существовала въ древней Согдіанѣ и Бактріанѣ. Вокругъ безотвѣтственнаго во всѣхъ отношеніяхъ эмира стоитъ придворная камарилья. Вторымъ лицомъ послѣ эмира является кушъ-беги, главный сокольничій и генералъ-губернаторъ столицы. За нимъ слѣдуютъ; диванъ-беги (канцлеръ), таксаба (мундшейхъ), мирахуръ (шталмейстеръ, караулъ-беги (начальникъ тѣлохранители) и мирза-баши (оберъ-секретарь). Сравнительно съ этой придворной коллегіей, всѣ военные чины ханства начиная съ аталыка (главнокомандующаго), являются второстепенными и не имѣющими вліянія. По образцу придворной камарильи, организованы камарильи бековъ, имѣющихъ черты сходства съ древними персидскими сатрапами. Диванъ-беги у бека соотвѣтствуетъ кушъ-беги у эмира. Подобно тому, какъ доходныя почетныя мѣста бековъ, провинціальныхъ губернаторовъ, раздаются эмиромъ не по какимъ-либо служебнымъ заслугамъ претендентовъ, а только благодаря ихъ интригамъ и взяткамъ его приближеннымъ, такъ и должности администраторовъ и судей въ бекствахъ раздаются беками родственникамъ и знакомымъ для кормленія. Ни сами беки, ни кто-либо изъ представителей бухарской администраціи не получаютъ казеннаго жалованья, и населеніе Бухары вѣчно и усердно сосетъ всей этой тучей паразитовъ. Бухара представляетъ федерацію бековъ, разбросанныхъ среди пустынныхъ полей западной части страны въ плодородныхъ оазисахъ, а въ восточной—въ горныхъ долинахъ. Каждый бекъ является такимъ же самодержцемъ въ своей сатрапіи, какъ эмиръ, вообще въ Бухарѣ, но не въ смыслѣ централизаціи, а какъ безотвѣтственный и неограниченный распорядитель жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ.“

Эта характеристика бухарскаго строя, данная П. Головачевымъ и напечатанная въ „Русск. Словѣ“ страдаетъ нѣкоторыми неточностями. При эмирѣ по бухарскимъ законамъ должно находиться не одинъ кушъ-беги, а два: верхній кушъ-беги и нижній кушъ-беги; первый вѣдаетъ финансами и внѣшними отношеніями, второй внутренними дѣлами. За ними ступенью ниже идетъ кази-калямъ—верховный судья и своего рода контролеръ надъ дѣйствіями обоихъ кушъ-беги. Провинціями (бекства) управляютъ беги. Бекства раздѣляются на амляки (уѣзды), управляемые амлякарами, кромѣ того въ каждомъ бекствѣ есть свой судья—казій.

Каждый изъ этихъ почти неограниченныхъ властителей имѣетъ громадный штатъ своихъ чиновниковъ, при чемъ количество ихъ указываетъ на положенія того или иного властителя въ своемъ бекствѣ и каждый бекъ старается имѣть побольше чиновниковъ. Да оно и понятно. Бухарскіе чиновники жалованья почти не получаютъ, никакими дѣлами государственными они не занимаются, а только собираютъ съ народа подати и чѣмъ больше чиновниковъ, тѣмъ больше собирается податей, тѣмъ больше получаетъ эмиръ, и тѣмъ больше перепадаетъ въ карманъ всѣмъ бухарскимъ сановникамъ.

Количество собираемого налога по корану строго опредѣленно, но съ этимъ въ Бухарѣ не считаются. Каждый бегъ независимо отъ урожая обязанъ передъ эмиромъ, представить ему какъ можно больше податей и тотъ бегъ, что больше внесъ въ бухарскую кассу податей отмѣчается эмиромъ какъ энергичный дѣятель, одаряется подарками, приближается ко дворцу, но стоитъ только ему представить податей меньше чѣмъ въ предыдущемъ году и онъ теряетъ все свои заслуги, да еще притомъ рискуетъ потерять и самую должность. Слѣдующая картинка изъ бухарской дѣйствительности даетъ очень правильное понятіе о томъ, какой порядокъ царитъ въ Бухарѣ, при выколачиваніи съ населенія податей. Каждый бегъ, послѣ того какъ пошлетъ эмиру собранныя деньги, ждетъ съ трепетомъ, какъ на это будетъ реагировать бухарскій властитель. Если онъ въ отвѣтъ пошлетъ бегу халатъ—значитъ онъ остался доволенъ и собранная сумма денегъ его вполне удовлетворила. Если же онъ не пошлетъ халата, значитъ денегъ послано мало и бегъ отправляется собирать съ населенія подати во второй разъ.

Эмиръ ежегодно совершаетъ путешествіе по Россіи. Во время этихъ поѣздокъ онъ щедро награждаетъ русскихъ чиновниковъ брилліантами и эти подарки, какъ оказывается, ложатся тяжелымъ бременемъ на бухарскій народъ. Передъ такими поѣздками эмира, бухарскіе чиновники рыскаютъ по странѣ и собираютъ съ населенія новые подати и налоги „на подарки русскимъ чиновникамъ.“ Нечего и говорить, насколько это дѣлаетъ русскихъ непопулярными среди бухарскаго населенія.

Самая система выколачиванія съ населенія Бухары податей и налоговъ носитъ чисто восточный хищническій порядокъ. Бегъ распределяетъ сумму требуемаго налога между амляками, амляки между волостями. И беги, и амлякары и все бухарскіе чиновники жалованья не получаютъ, а потому собирается податей столько, чтобы покрыть требуемую эмиромъ сумму, да плюсъ еще средства для существованія всехъ бухарскихъ чиновниковъ, которые отъ высшихъ и кончая низшими оставляютъ и на свою долю львиную часть.

Даже бухарскіе судьи не получаютъ жалованья, а кормятся кліентами, при чемъ правымъ остается тотъ кто больше даетъ, а бѣднаго неимѣющаго средствъ чтобы одарить казія, ожидаетъ наказаніе плетью съ мѣдными наконечниками.

Все собранныя, такимъ образомъ, деньги поступаютъ въ личное пользованіе эмира, такъ какъ государственныхъ расходовъ онъ почти не несетъ, кромѣ содержанія двора и войска, хотя и послѣднее почти не обременяетъ казну эмира. Солдаты, получающіе въ Бухарѣ по 3 руб. въ мѣсяцъ на своемъ довольствіи, съ лихвой отработываютъ эмиру свое жалованье. Не неся почти никакихъ государственныхъ расходовъ, эмиръ бухарскій ежегодно получаетъ въ личное пользованіе съ населенія Бухарскаго ханства отъ 23—38 милліоновъ рублей.

Этотъ непосильный налоговой гнетъ господствуетъ въ Бухарѣ съ незапамятныхъ временъ, бухарское населеніе нищало, и со стойкостью восточнаго населенія терпѣливо сносило все притѣсненія до того времени, пока во главѣ бухарскаго правительства не стали ненавистныя всему населенію, презираемыя имъ персидскіе чиновники.

Персы долгое время были въ Бухарѣ въ качествѣ рабовъ, приводимыхъ туда туркменами. Они исполняли тамъ грязныя работы и какъ „еретики“ шииты считались народомъ непріятнымъ, презрѣннымъ и имѣть съ ними какую либо связь считалось въ Бухарѣ позорнымъ. Съ прибытіемъ въ край русскихъ, рабство персидское было официально отмѣнено, но оно осталось фактически. Населеніе презирало персовъ и въ знакъ этого персы какъ паріи должны были ходить въ Бухарѣ не иначе какъ въ особой одеждѣ, отличительной отъ бухарской.

Первымъ сталъ покровительствовать персамъ нынѣшній эмиръ, мать котораго была персіанкой.

При немъ впервые, смѣщенный нынѣ кушъ-беги Астанакуль-беги—персъ былъ назначенъ на должность нижняго кушъ-беги. Назначеніе презрѣннаго перса на такой высокій постъ сильно взволновало населеніе Бухары, но оно тогда было безсильно что либо сдѣлать.

Астанакуль бегъ бій—человѣкъ очень умный, хитрый и властолюбивый, но проявиться во всей силѣ ему мѣшали: съ одной стороны верхній кушъ-беги Джанъ мирза и верховный судья Комянъ-Хаджи-бадарханъ-Садръ, человѣкъ въ высшей степени энергичный, умный и бывший популярнымъ въ народѣ. Волей неволей Астанакуль бегу пришлось жить подъ контролемъ своихъ сослуживцевъ и сдерживаться въ проявленіяхъ деспотической власти.

Когда въ 1905—1906 гг. верхній кушъ-беги Джанъ мирза умеръ, въ бухарской исторіи совершился неслыханный переворотъ. Обѣ должности верхняго и нижняго кушъ-беги были соединены въ одну и на эту должность второго правителя страны послѣ эмира былъ назначенъ всѣми ненавидимый и презираемый персъ-шиитъ Астанакуль-бегъ-бій. Черезъ нѣкоторое время скончался и верховный судья и на его мѣсто по настоянію Астанакуль-бегъ-бія, имѣвшаго огромное вліяніе на эмира, былъ назначенъ ставленникъ Астанакуль-бегъ-бія, тоже персъ, ничтожная, бездарная личность.

Съ этого момента въ Бухарѣ началась эпоха владычества персовъ, приведшая страну къ окончательному обнищанію, и закончившаяся кровавыми столкновеніями послѣднихъ дней.

Попавъ вопреки желаніямъ бухарскаго народа на такой отвѣтственный постъ, фактическаго властелина страной, кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бій прекрасно понималъ, что со стороны бухарскаго народа, презирающаго его, какъ бывшаго раба, онъ не встрѣтитъ сочувствія, а какъ разъ наоборотъ, и бухарскій народъ всѣми силами будетъ мстить этому ненавистному выскочкѣ, шииту персу. Зная все это, Астанакуль-бегъ-бій, какъ человѣкъ недюжиннаго ума, прекрасно понималъ, что

для того, чтобы ему упрочиться въ новомъ положеніи, слѣдуетъ окружить себя персами, ненавидящими сартовъ, точно также, какъ сарты ненавидятъ ихъ, и создавъ такой сильный оплотъ изъ ненавистнаго народу элемента, противопоставить ненависти бухарскаго народа силу, въ видѣ организованной банды персидскихъ чиновниковъ, занявъ послѣдними всѣ правительственныя должности въ Бухарѣ.

И Астанакуль-бегъ-бій сталъ назначать на должности бухарскихъ чиновниковъ выходцевъ изъ Персіи.

Много въ этомъ отношеніи ему помогло то огромное вліяніе, какое онъ имѣлъ на эмира. Чѣмъ объясняется это вліяніе, сказать трудно: одни говорятъ, что эмиръ, какъ сынъ персіянки, сочувствовалъ персамъ, другіе склонны въ этомъ вопросѣ видѣть нѣкоторыя „интимныя стороны“ изъ жизни дворца эмира Бухарскаго.

Во всякомъ случаѣ, вліяніе на эмира Астанакуль-бегъ-бія было таково, что его слово въ Бухарѣ имѣло фактически значеніе закона.

Итакъ Астанакуль-бегъ-бій кликнулъ кличъ персамъ и сталъ имъ раздавать правительственныя должности. Нечего и говорить, что персовъ, желающихъ занять должности чиновниковъ въ Бухарѣ, нашлось не мало, и въ самое короткое время все Бухарское ханство, какъ паутиной оказалось опутанной сѣтью персидскихъ чиновниковъ и вчерашніе рабы, ставшіе вдругъ властителями, стали нещадно грабить бухарское населеніе.

Мы уже указывали, что чиновники въ Бухарѣ жалованья не получаютъ и живутъ исключительно отъ поборовъ съ населенія. При чемъ контроля надъ этими поборами нѣтъ и каждый чиновникъ беретъ въ свою пользу съ населенія столько, сколько ему заблагоразсудится.

Нечего и говорить, какъ стали грабить бухарское населеніе персы, ставшіе у кормила правленія. Всякія стѣсненія, какъ лишняя обуза, были отброшены въ сторону и это было не собираніе податей, а въ полномъ смыслѣ обворовываніе населенія, обворовываніе открытое, среди бѣлаго дня, а жаловаться некому, такъ какъ во главѣ этой банды стоялъ самъ Астанакуль-бегъ-бій, ненавистный персъ, въ интересахъ котораго было, чтобы его ставленникамъ персамъ жилось хорошо.

И дѣйствительно, персы-чиновники богатѣли чрезвычайно быстро и уѣхавъ изъ Персіи почти нищими, черезъ короткій промежутокъ времени возвращались обратно богачами.

Въ Бухарѣ установлены законами два налога: „хераджъ“ налогъ съ земли и „зякетъ“—налогъ съ товара и скота

По корану „хераджъ“ не долженъ превышать одной девятой части валоваго дохода. Конечно этой нормы въ Бухарѣ никогда не придерживались и брали съ населенія значительно больше. Но до владычества Астанакуль бегъ-бія все же стѣснялись брать съ населенія то, что оно не въ состояніи было дать и старались во всякомъ случаѣ не доводить населенія до обнищанія. Совершенно иначе посмотрѣлъ на это Астанакуль бегъ-бій, онъ задался цѣлью съ одной стороны выслужиться передъ эмиромъ и для этого дать въ его казну какъ можно больше де-

негъ; съ другой стороны, чтобы имѣть защитниками персовъ чиновниковъ онъ разрѣшилъ имъ брать въ свою пользу съ населенія столько, сколько они смогутъ взять, не стѣсняясь ни какими мѣрами.

И персидскіе чиновники стали брать „хераджъ“ въ небываломъ размѣрѣ, превышающемъ значительно 40%. Сама система обложенія была обставлена по истинѣ растовщически. Каждый землевладѣлецъ, обмоловившій хлѣбъ, былъ обязанъ высыпать его въ кучки и подѣ страхомъ наказанія не трогать, пока не пріѣдетъ чиновникъ и не опредѣлитъ количество потребнаго налога. Чиновникъ конечно не пріѣзжалъ, хлѣбъ начиналъ портиться и землевладѣльцу волей неволей приходилось ѣхать къ чиновнику, давать ему подарки и умасливъ такимъ образомъ просить, чтобы онъ пріѣхалъ опредѣлить „хераджъ“.

Вотъ наконецъ чиновникъ пріѣхалъ, конечно за счетъ землевладѣльца. Количество высыпаннаго зерна онъ опредѣляетъ на глазъ и выводитъ цифру, значительно преувеличенную. Землевладѣлецъ, конечно, не согласенъ и вотъ начинается открытый постыдный торгъ, въ результатѣ котораго чиновнику опять попадаютъ въ карманъ подарки. Наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ количество зерна опредѣлено и чиновникъ обозначаетъ „хераджъ“ въ 60% съ валового дохода, изъ нихъ 40% въ казну эмира, а 20% въ пользу чиновниковъ. Мало того, „хераджъ“ берется не зерномъ, а деньгами, по наивысшей базарной цѣнѣ и достоверно извѣстно, что бухарскіе чиновники передъ собираніемъ налоговъ искусственно повышаютъ базарныя цѣны на зерно, чтобы больше собрать денегъ.

Та же исторія повторяется съ хлопкомъ. Хлопокъ готовъ, коробки раскрылись, но хлопководъ не имѣетъ права приступить къ сбору урожая, пока не пріѣдетъ чиновникъ и опять таки на глазъ не опредѣлитъ урожай и количества „хераджъ“. Чиновникъ не пріѣзжаетъ, хлопокъ гибнетъ, и отчаявшійся хлопководъ ѣдетъ самъ къ чиновнику, даетъ ему взятку. Чиновникъ пріѣзжаетъ, начинается тотъ же постыдный торгъ и въ результатѣ хлопководъ окончательно раззоренъ. Не рѣдко бываетъ, что „хераджъ“ превышаетъ стоимость урожая, и несчастнымъ землевладѣльцамъ, во избѣжаніе наказанія, приходится бѣжать изъ Бухарскаго ханства.

„Хераджъ“ взыскивается безпощадно и чиновники не останавливаются ни передъ какими мѣрами. Если у землевладѣльца нѣтъ денегъ чтобы уплатить налогъ, то забирается его имущество; или его дочь отдается насильно замужъ и полученный калымъ поступаетъ за налоги, а если и этого мало, то въ погашеніе налоговъ сынъ землевладѣльца отдается на много лѣтъ въ кабалу къ какому нибудь богатому сарту, или его отдаютъ въ „бачи“ къ богатому баю, а полученные деньги идутъ въ казну эмира, да на прокормленіе чиновниковъ.

Поставленное въ такія невыносимо тяжелыя условія, обнищавшее населеніе, бросаетъ насиженные поля и бѣжитъ изъ Бухары въ Россію и Афганистанъ, и уже въ настоящее время въ Бухарѣ можно встрѣтить немало заброшенныхъ совершенно кишлаковъ, когда то цвѣтущихъ,

а теперь представляющихъ изъ себя кладбище, этотъ историческій памятникъ владычества въ Бухарѣ ненавистнаго народу кушъ-беги-Астана-куль-бегъ-бія

Второй налогъ „зякетъ“ достигаетъ $2\frac{1}{2}\%$ съ цѣны товара. Эта не малая цифра увеличивается значительно еще тѣмъ, что взявъ налогъ „зякетъ“ какой нибудь чиновникъ не выдаетъ квитанціи въ его полученіи и слѣдующій чиновникъ, встрѣтивъ этотъ товаръ, снова обкладываетъ его налогомъ и бываетъ, что одинъ и тотъ же товаръ по нѣскольکو разъ обкладывается налогомъ. Съ нормой въ $2\frac{1}{2}\%$ чиновники не считаются, а берутъ значительно больше, стараясь какъ можно больше оставить на свою долю! Бухарскіе купцы буквально изнываютъ подъ этимъ непосильнымъ налогомъ и многіе изъ нихъ бываютъ вынуждены ликвидировать дѣла и переѣзжать на жительство въ Россію. Торговля и промышленность въ Бухарѣ за послѣдніе годы значительно падаетъ и это нужно ставить въ непосредственную связь съ варварскою системою взиманія налоговъ.

Однако, одними поборами въ видѣ налоговъ еще не кончается обирание бухарскаго населенія; эмиръ ведетъ въ Бухарѣ крупныя промышленныя дѣла, на нѣсколько десятковъ милліоновъ въ годъ. Онъ имѣетъ нѣсколько собственныхъ хлопкоочистительныхъ заводовъ. Чиновники посылаются эмиромъ скупать у населенія хлопокъ и эти покупки обыкновенно бываютъ обставлены такъ же какъ и сборъ податей. Во первыхъ, чиновники подъ угрозой прижимокъ и наказаній скупаютъ хлопокъ по значительно пониженнымъ цѣнамъ, во вторыхъ, при взвѣшиваніи хлопка камнями (камни въ Бухарѣ употребляются вмѣсто гирь) не рѣдки случаи обвѣшиванія и въ результатѣ хлопокъ на много милліоновъ рублей скупается по баснословно дешевымъ цѣнамъ. Затѣмъ эмиръ ведетъ крупныя операціи съ каракулемъ и ежегодно отправляетъ его въ Москву на сумму до пятнадцати милліоновъ рублей. Каракуль для эмира закупается бегами по провинціямъ Бухары, по цѣнамъ произвольнымъ, на 25—30% ниже настоящей его стоимости и волей неволей. населеніе вынуждается отдавать каракуль за безцѣнокъ бегамъ, боясь наказаній и произвола со стороны чиновниковъ. Затѣмъ, какъ мы уже упоминали, населенію приходится содержать за свой счетъ цѣлый штатъ мѣстныхъ чиновниковъ, платить дань судъямъ, кормить солдатъ и т. д. и т. д.

Всѣ эти данныя и послужили причиной начавшейся въ населеніи зажигательной агитаціи противъ ненавистнаго персидскаго владычества, владычества бывшихъ рабовъ, а теперь такъ ужасно мстящихъ народу за свои прежнія униженія и доводящихъ его до полной нищеты, до полного отчаянія, до того, что бухарцамъ приходилось бросать свою родину и искать справедливости на чужбинѣ.

Сначала бухарское населеніе пробовало жаловаться на притѣсненія чиновниковъ эмиру. Но кушъ-беги имѣлъ на эмира чрезвычайно сильное вліяніе. Эмиръ не придавалъ жалобамъ своего народа никакого значенія, а обозленные чиновники послѣ этого еще болѣе повышали налоги, наказывали жалобщиковъ суровыми восточными карами.

Бухарскій народъ, видя какъ эмиръ открыто покровительствуетъ персидскимъ выходцамъ въ ущербъ своему народу, извѣрился въ самомъ эмирѣ и это послужило одной изъ причинъ возстанія.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, какъ совершенно правильно указывалъ приватъ-доцентъ Головачевъ, и особенно пятилѣтія, значительно измѣнилась психологія бухарскаго населенія, благодаря общему подъему всего мусульманскаго міра и событіямъ въ Россіи.

Расширились торговые сношенія бухарскихъ подданныхъ съ сосѣдними странами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, развились и аппетиты бековъ и ихъ ставленниковъ. Но, съ другой стороны, бухарцы, вообще, стали болѣе нервно, не съ прежней безропотной покорностью переносить тиранію чиновниковъ, стали сравнивать свое безправное и стѣсненное положеніе съ положеніемъ своихъ земляковъ и одновѣрцевъ въ сосѣднемъ Зеравшанѣ и вообще въ русскомъ Туркестанѣ. Вопіющіе недостатки бухарскаго режима начали особенно рѣзко бросаться въ глаза и вызывать ропотъ у населенія. Теперь бухарское населеніе уже не такъ безропотно сносило гнетъ и достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло грандіозное пожарище.

Многіе, знакомые съ внутренней жизнью Бухары указываютъ, что на поднятіе настроенія въ средѣ населенія большое вліяніе оказали послѣднія событія въ Персіи и Турціи. Послѣднія конституціонныя вѣян्या и событія въ этихъ родственныхъ странахъ не могли не проникнуть въ Бухару. Туда явились выходцы изъ Персіи, представители стараго и новаго движенія. Коснулось Бухары и движеніе младотурокъ и нѣсколько человѣкъ турецкихъ софтъ переѣхали въ Бухару и остались тамъ на жительство.

На базарахъ, въ караванъ сараяхъ, этихъ мусульманскихъ клубахъ, живо интересовались конституціонной борьбой въ Персіи и Турціи и населеніе сравнивало свое угнетенное состояніе съ состояніемъ населенія въ обновленныхъ Персіи и Турціи и конечно, это сравненіе не шло въ пользу бухарскаго строя и населеніе еще больше убѣждалось, что этотъ строй долѣе не можетъ быть терпимымъ и если правительство Бухары не дастъ реформы, то ихъ нужно взять силой, самому населенію.

Въ Бухарѣ еще два года назадъ началась серьезная подготовка къ возстанію. Сначала возстаніе было назначено на май мѣсяць 1909 г., затѣмъ по какимъ то неизвѣстнымъ причинамъ, его отложили до нынѣ уже состоявшейся поѣздки эмира въ Петербургъ, предполагая во время его отсутствія совершить переворотъ и совершенно случайно возстаніе вспыхнуло раньше, во время празднованія персами праздника въ честь пророка Гуссейна „Шахсей-Вахсей“.

Повидимому, подготовка къ возстанію, коей руководили бухарскіе муллы, носила систематическій, хорошо организованный характеръ.

На это указывало то обстоятельство, что не смотря на то, что возстаніе готовилось два года, бухарское правительство ничего о немъ не знало и возставшимъ удалось провести даже такого умнаго

человѣка, какимъ былъ Кушъ-беги Астанакуль бегъ-бій. Ни онъ, ни его чиновники и въ мысляхъ не имѣли, что въ странѣ готовится возстаніе. Внутри страны, систематически, въ теченіе двухъ лѣтъ, шла энергичная подпольная агитація политическаго характера. Народъ былъ настолько наэлектризованъ, на столько подготовленъ, что достаточно было одного призыва старшаго муллы, чтобы все населеніе Бухары какъ одинъ человѣкъ возстало.

Раздался этотъ призывъ и дѣйствительно началось страшное побоище.

Изымающій подъ непосильнымъ гнетомъ со стороны персидскихъ чиновниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Кушъ-беги, и которымъ явно покровительствовалъ самъ эмиръ, разувѣрившись въ послѣднемъ, бухарскій народъ поднялъ знамя возстанія, подъ флагомъ фанатизма. Народъ бухарскій вспомнилъ старую вражду къ шіитамъ персамъ и возстаніе, подготовлявшееся какъ политическій переворотъ,—вышло въ безумную фанатичную рѣзню.

У персовъ ежегодно 9 января празднуется „Шахсей-Вахсей“, въ честь высокочтимаго ими пророка Гуссейна; на этомъ праздникѣ религіозный экстазъ персовъ доходитъ до того, что начинается нещадное самоистязаніе шапками и кинжалами. Правовѣрные мусульмане сунниты—сарты считаютъ шіитовъ персовъ „еретиками“ и не признаютъ праздника „Шахсей-Вахсей“, мало того, они считаютъ этотъ праздникъ оскорбленіемъ памяти Магомета.

Въ Бухарѣ празднованіе „Шахсей-Вахсей“ никогда не разрѣшалось и фанатичные персы производили празднованія всегда тайно отъ бухарцевъ.

Однако, вліяніе Кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бія на эмира было таково, что въ этомъ году неожиданно для бухарскаго населенія персамъ разрѣшили праздновать „Шахсей-Вахсей“ открыто.

Узнавъ объ этомъ, населеніе возмутилось какъ одинъ человѣкъ, было затронуто самое больное мѣсто фанатичнаго бухарскаго населенія и возстаніе, назначенное нѣсколько позже, неожиданно для всѣхъ вспыхнуло 9 января, принявъ религіозную окраску.

9 января въ столицѣ Бухарскаго ханства Старой Бухарѣ, у Самаркандскихъ воротъ на учебномъ плацу (Майдане) персы открыто праздновали „Шахсей-Вахсей“, производя при этомъ ужасныя самоистязанія ножами и кинжалами. Фанатики-шіиты дошли буквально до самоубвенія. Многіе въ экстазѣ исполосовали себѣ кинжалами все тѣло. Лилась кровь, раздавались фанатичные возгласы.

Неподалеку отъ молящихся собралась небольшая кучка сартовъ-суннитовъ, студентовъ высшихъ духовныхъ училищъ, называемыхъ здѣсь муллабачами. Сарты крайне возмутились, что персамъ разрѣшили открыто совершать запрещенное моленіе и они стали высмѣивать ихъ, издѣваться надъ совершаемымъ ими моленіемъ. Возмущенные пер-

сы бросили молебствіе и вооруженные кинжалами и ножами бросились на муллобачей. Сайфетдинъ, уроженецъ кокандскаго уѣзда былъ убитъ на-поваль. Муллы тотчасъ же разбѣжались и разнесли вѣсть объ этомъ убійствѣ по всему городу. Затѣмъ депутація изъ муллъ отправилась къ Кушъ-беги доложить ему о случившемся убійствѣ, просить наказанія убійцъ и выдачи для погребенія тѣла убитаго Сайфетдина.

Результаты отъ этой депутаціи вышли совершенно неожиданные и они какъ нельзя лучше характеризуютъ тотъ произволъ, который вынудилъ населеніе поднять знамя возстанія.

Кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бій даже не захотѣлъ разобрать дѣла, не высказалъ ни одного слова возмущенія противъ убійцъ, а велѣлъ арестовать пришедшую къ нему депутацію и она оказалась запертой въ тюрьмѣ.

Это была послѣдняя капля, переполнившая чашу народнаго терпѣнія.

Арестъ и убійство взволновали весь городъ. Населеніе пока еще не принимало активныхъ мѣръ и начало стекаться къ Регистану, площадь передъ дворцомъ Кушъ-беги. Въ короткое время здѣсь собралась громадная толпа народа, потребовавшая отъ Кушъ-беги выдачи арестованныхъ. Въмѣсто удовлетворенія этой просьбы Кушъ-беги велѣлъ своимъ солдатамъ дать залпъ изъ ружей по собравшимся, что и было исполнено, при чемъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Озвѣрѣвшая толпа бросилась на солдатъ и одного изъ нихъ убила, нѣсколькихъ ранила, бросилась было ко входу во дворецъ, но не была туда допущена вооруженной силой сарбазовъ. Положеніе стало критическимъ и боясь за свою жизнь, Кушъ-беги послушалъ совѣта главнаго Раиса (блюститель нравовъ) и освободилъ арестованныхъ муллобачей. Послѣ этого толпа разошлась и къ вечеру 9 января все стихло.

Однако, это было успокоеніе передъ грозной бурей. Обѣ стороны готовились къ войнѣ.

Ночью Кушъ-беги, заботившійся исключительно о безопасности своихъ единовѣрцевъ, послалъ имъ изъ своего дворца двѣ подводы нагруженные оружіемъ, скрытымъ для безопасности въ товарѣ. По слухамъ, одна такая подвода благополучно пробралась въ персидскіе кварталы, другая была перехвачена сартами и когда послѣдніе узнали, что самъ Кушъ-беги вооружаетъ персовъ, то они окончательно рѣшили начать возстаніе противъ Кушъ-беги, и такъ веѣми ненавидимаго.

Муллы начали во веѣхъ мечетяхъ агитировать за истребленіе веѣхъ персовъ и приказывали своимъ единовѣрцамъ вооружаться кто чѣмъ можетъ. Затѣмъ они приговорили къ смертной казни высокочтимаго персами, почти какъ пророка, главнаго муллу шиитовъ Муштеида. Когда объ этомъ узнали персы, то они со веѣхъ кишлаковъ, вооружившись ружьями, шапками, ножами, кинжалами, а то и просто дубинами, стали стекаться въ Старую Бухару на защиту Муштеида.

Главные событія разыгрались 10 января. Уже съ ранняго утра было не спокойно. Сначала среди суннитовъ разнесся слухъ, что персы напали на мечеть Джубаръ. Муллобачи тотчасъ же бросились

туда и хотѣли напасть на персидскіе кварталы, но въ дѣло вмѣшался главный Рансъ и сталъ уговаривать разойтись.

Толпа было послушалась, какъ вдругъ разнесся слухъ, что персы напали на медресе Хіо-банъ, находящееся въ кварталѣ, гдѣ жило смѣшанное населеніе изъ персовъ и бухарцевъ. Толпа бросилась туда, часть ея успѣла проникнуть въ узкія улицы и встрѣтилась съ сарбазами (бухарскіе солдаты), которые преградили остальнымъ дорогу и такимъ образомъ, часть бухарцевъ, попавшая въ эти узкія улицы, оказалась въ западнѣ. Персы забрались на крыши и стали оттуда разстрѣливать беззащитныхъ бухарцевъ. По слухамъ, ни одному изъ нихъ не удалось спастись, всѣ были убиты и трупы неизвѣстно куда убраны. Солдаты Кушъ-беги присутствовали при этомъ побоищѣ и не принимали рѣшительно никакихъ мѣръ, а нѣкоторые изъ нихъ еще помогали персамъ.

Это побоище послужило началомъ всеобщей рѣзни, распространившейся по всему городу. Персы убивали бухарцевъ, бухарцы убивали персовъ. Въ персидскихъ кварталахъ бухарцы были безсильны что либо сдѣлать, такъ какъ тамъ персы были хорошо вооружены присланнымъ отъ Кушъ-беги оружіемъ, за то въ остальной части города персы были беззащитны и бухарцы врывались въ дома, отыскивали персовъ, и безъ всякой пощады убивали ихъ на-поваль. Отдѣльные случаи убійствъ уже были отмѣчены мѣстной и столичной прессой, а потому мы отмѣтимъ лишь особенно выдающіеся случаи изъ этой бойни.

Сарты напали на семью одного персидскаго доктора, вырѣзали всѣхъ, спаслась лишь старшая дѣвочка. Произошло это такъ: докторъ мирно сидѣлъ въ кругу своей семьи, ничего не зная о начавшейся въ городѣ рѣзнѣ. Вдругъ въ дверяхъ слышится шумъ, толпа иступленныхъ суннитовъ врывается въ квартиру и убиваетъ доктора, стрѣляя въ него изъ револьвера. Его слуга тоже падаетъ, пронзенный кинжаломъ. Отыскиваютъ жену доктора. Та падаетъ на колѣни, хватается за руки, просить, умоляетъ. Все тщетно. Въ нее стрѣляютъ, затѣмъ добиваютъ кинжаломъ. Троихъ младшихъ дѣтей постигаетъ та же участь. Наконецъ, гдѣ-то на дворѣ находятъ спрятавшуюся дѣвочку доктора. Ей обрѣзаютъ уши, пальцы и бросаютъ, отвлеченные новой погоней за промелькнувшимъ мимо персомъ. Дѣвочку спасаетъ татаринъ Галей и, всю окровавленную, доставляетъ въ русскій городъ.

Муллобачи узнали, что въ сараѣ Казекаленѣ скрываютъ 7 семействъ богатыхъ персовъ. Немедленно ворвались туда, отыскивали и звѣрски прирѣзали, выпустивъ внутренности. Кѣмъ-то было дано знать о случившемся властямъ. Были посланы бухарскіе казаки. Оцѣпили цѣлый кварталъ, требовали выдачи виновниковъ. Всѣ отказались, стали убѣгать, карабкаться на крыши. Казаки стаскивали всѣхъ за ноги обратно. Тогда изъ толпы въ казаковъ посыпались камни и палки. Былъ данъ залпъ. Двое убиты, много схвачено и партіями, съ закрученными на спину руками, отправлены въ зинданъ (тюрьма).

Одинъ отставной бухарскій полковникъ лично убилъ 12 персовъ, чѣмъ онъ очень хвалился въ русскомъ городѣ, разгуливая по станціи. Разсказываютъ еще такой случай, характеризующій отношеніе къ русскому населенію. Въ одномъ мѣстѣ толпа бухарцевъ настигла убѣгающую толпу персовъ. Персы, мужчины были убиты и озвѣрѣвшая толпа готовилась убить дѣтей, одного изъ нихъ даже ранила. На счастье, по близости оказался русскій желѣзнодорожный сторожъ. Увидѣвъ, что сарты хотятъ убить дѣтей, онъ подбѣжалъ и прикрылъ ребятшекъ собою, взявъ ихъ подъ свое покровительство. Одного этого уже было достаточно и дѣти были спасены.

Но присутствіе европейцевъ не всегда помогало и на примѣръ въ помѣщеніи Т-ва Циндель, на глазахъ у всѣхъ были убиты три перса. Корреспондентъ „Турк. Курьера“ описывалъ случай, какъ въ его собственномъ помѣщеніи было убито нѣсколько человѣкъ и вся терраса была залита кровью.

О подавленіи возстанія никто не думалъ. Кушъ-беги открыто перешелъ на сторону персовъ и окруживъ себя солдатами, занимался только тѣмъ, что снабжалъ своихъ единомышленниковъ персовъ оружіемъ. Бухарскіе солдаты открыто принимали участіе въ побоищахъ, переходя на ту или иную сторону, смотря по тому, кому сочувствовали отдѣльные солдаты; при встрѣчѣ съ толпой они къ ней присоединялись, или же отдавали ей свое оружіе. Не только солдаты, но даже бухарскіе военачальники принимали участіе въ побоищахъ. Такъ изъ разспросовъ бухарцевъ, выяснилось, что въ рѣзніѣ по улицамъ дѣятельное участіе принимали два извѣстныхъ начальника Саидъ-Али командиръ баталіона и Мирабъ.

Количество убитыхъ 10 янв. выяснить не удалось, да и едва ли когда нибудь удастся. Трупы неизвѣстно куда скрывались, часто закапывались въ землю, прятались по крышамъ, въ узкихъ переулкахъ въ сараяхъ и т. д. Во всякомъ случаѣ 10 янв. въ Старой Бухарѣ было убито не менѣе 500 человѣкъ, по свѣдѣніямъ же бухарцевъ 10 янв. было убито болѣе 1000 человѣкъ.

По всѣмъ мечетямъ шла агитація и муллы призывали правовѣрныхъ къ избіенію персовъ.

Послѣдніе тоже не дремали. Среди персовъ разнесся слухъ, что сунниты убили Муштеида. Этотъ слухъ взбудоражилъ всѣхъ персовъ и со всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ вооруженные они спѣшили въ Старую Бухару отомстить суннитамъ и въ короткое время ихъ набралось около десяти тысячъ человѣкъ. Муштеидъ оказался живымъ, а пришедшіе персы стали на его защиту. Вечеромъ 10 января прибыла въ Старую Бухару съ желѣзнодорожной станціи полурота и конвой политическаго агента. Казаки, идя къ городу, то и дѣло натыкались на трупы.

Поздно вечеромъ все утихло, а ночь протекла совсѣмъ спокойно.

Г. Цвилингъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Бухарская смута.

(Окончаніе).

Одиннадцатое января сравнительно прошло спокойно. Повидимому, и сунниты и шиты собирались съ силами, организовывали ихъ для новой рѣзни. Что волненіе не улеглось, на это ясно указывали всѣ данныя. И та, и другая сторона запасалась оружіемъ. Бухарцы кликнули кличъ по кишлакамъ, и оттуда къ нимъ на подмогу двинулись единомышленники. Безпрерывно по всей Старой Бухарѣ происходили митинги, шла агитація, призывающая къ избіенію персовъ, народъ требовалъ смерти кушъ-беги. Многіе очевидцы увѣряютъ, что сами видѣли среди митинговыхъ ораторовъ турецкихъ софтъ.

Такимъ образомъ, все указывало, что страшная рѣзня снова повторится. Нужно было принять немедленно энергичныя мѣры, образумить населеніе,—но принимать эти мѣры было некому.

Эмиръ по-прежнему сидѣлъ въ своемъ Керминенскомъ дворцѣ, оставляя своихъ подданныхъ на произволъ судьбы, а кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бій, такъ же сидѣлъ запершись во дворцѣ, сочувствуя персамъ и снабжая ихъ оружіемъ.

Обезумѣвшее фанатичное населеніе, съ руками, залитыми кровью, потерявшее все человѣческое, превратившееся въ кровожаднаго звѣря,—было предоставлено самому себѣ; о судьбѣ его никто не заботился. Чиновники, частью разбѣжались, частью спрятались во дворцѣ кушъ-беги, частью были убиты или сами убивали, смѣшавшись съ толпой.

Никакихъ мѣръ успокоенія населенія бухарское правительство не принимало. Въ сущности, въ эти дни въ Бухарѣ правительства и не было, и какъ во всѣхъ странахъ во время народныхъ возстаній и революцій—въ Бухарѣ въ дни волненій правительство испугалось народного гнѣва и притаилось въ своихъ пышныхъ дворцахъ.

Народъ на короткое время сталъ властелиномъ. Но плохой властелинъ тотъ, кто долгое время былъ рабомъ и гнулъ свою спину. Власть опьяняетъ такихъ людей, и въ припадкѣ этого безумнаго опьяненія во время народныхъ возстаній, исполинъ-народъ, въ обычное время тихій и покорный, превращается въ дикаго звѣря.

Однако при желаніи, бухарское правительство въ этотъ день разумными мѣрами могло предотвратить дальнѣйшія кровавыя событія. Въ Буха-

рѣ, какъ и во всѣхъ другихъ малокультурныхъ, деспотическихъ странахъ— въра во властелина слишкомъ велика; и стоило только эмиру бухарскому выѣхать изъ дворца, выйти къ народу, обѣщать ему смѣщеніе кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бія и нѣкоторыя налоговыя послабленія,—какъ озвѣрѣвшее населеніе снова превратилось бы въ покорныхъ рабовъ и жизнь страны вошла бы въ обычное русло.

Но эмиръ бухарскій, повидимому, не надѣялся на свои силы, и прикрывшись тѣмъ, что по шаріату ему запрещено показываться своему народу,—онъ продолжалъ сидѣть во дворцѣ, гдѣ чувствовалъ себя въ полной безопасности.

А обезумѣвшее населеніе, какъ дикая лошадь, которой ослабили вожжи, сломя голову летѣло въ бездну.

11 января убійства продолжались и въ этотъ день, по официальнымъ даннымъ, убито около 12 чел., хотя бухарцы увѣряютъ, что число убитыхъ въ этотъ день значительно больше, а трупы убитыхъ, также какъ и 10 января, неизвѣстно куда скрывались и только черезъ нѣсколько дней послѣ рѣзни ихъ находили всюду, даже въ помойныхъ ямахъ и въ отхожихъ мѣстахъ.

11 января для охраны русскихъ подданныхъ прибыли въ Бухару войска, состоящія изъ роты 8 турк. стрѣлковаго батальона съ 4 пулеметами и сотня 2-го уральскаго казачьяго полка подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Панова. При этомъ отрядъ находился исполняющій должность политическаго агента въ Бухарѣ г. Рѣшетовъ.

Освѣдомившись о прибытіи русскихъ войскъ, кушъ-беги указалъ имъ, что въ виду настоящаго положенія въ странѣ онъ не можетъ ручаться за сохранность русскихъ учрежденій въ Старой Бухарѣ. Въ силу этого, по городу начали разѣзжать патрули изъ нашихъ казаковъ, на обязанности которыхъ было охранять безопасность русскихъ подданныхъ и русскихъ учрежденій.

12 января настроеніе въ Старой Бухарѣ опять поднялось. Съ сосѣднихъ кишлаковъ стали стекаться вооруженные жители. Снова возобновились убійства и въ довершеніе всего начался погромъ.

Типичный погромъ, который пережила не одна Бухара. Озвѣрѣвшая толпа разбивала лавки, грабила имущество и совершала убійства. Городъ представлялъ изъ себя страшную картину разрушеній и насилій. Русскія учрежденія и банки начали опасаться нападеній, и подъ охраной нашихъ войскъ всѣ деньги и цѣнности изъ нихъ были вывезены въ Новую Бухару.

Промышленная жизнь Бухары окончательно прекратилась, закрылись банки, всѣ учрежденія, базары, чайханэ, и шайки вооруженныхъ сновали по городу, грабили и убивали.

Появились слухи, что изъ дальнихъ кишлаковъ двигаются толпы вооруженныхъ персовъ, узбековъ, арабовъ и туркменъ.

На Бухару надвигалась многотысячная толпа, бухарское правительство бездѣйствовало и можно было предвидѣть начало новыхъ грандіозныхъ кровавыхъ событій.

Въ эту критическую минуту въ Бухару прибылъ командированный изъ Ташкента генералъ-лейтенантъ Лиліенталь. Командировка генералъ-лейтенанта Лиліенталья въ Бухару имѣла цѣлью охрану жилищъ и имущества русско-подданныхъ и вмѣшательство въ бухарскія дѣла въ томъ случаѣ, если будутъ затронуты интересы русскаго населенія, или же само бухарское правительство будетъ просить русской помощи. Прибывъ въ Бухару генералъ-лейтенантъ Лиліенталь совмѣстно съ политическимъ агентомъ г. Рѣшетовымъ посѣтилъ кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бія, чтобы узнать, какія мѣры послѣдній намѣренъ предпринять для усмиренія возстанія.

Кушъ-беги прибытіе русскихъ войскъ, повидимому, пришлось не по вкусу. Несмотря на то, что въ городѣ не прекращались звѣрства, и бухарское правительство бездѣйствовало и продолжало бездѣйствовать, кушъ-беги заявилъ, что въ русской помощи онъ не нуждается. Казаковъ въ городѣ просилъ не пускать, хотя въ тоже время заявилъ, что за безопасность русскихъ учрежденій онъ не ручается.

Это заявленіе одного изъ главныхъ правителей въ Бухарѣ, сказанное въ разгаръ убійственнаго возстанія, въ то время, когда помощь русскихъ войскъ была дѣйствительно крайне необходима и нѣсколько сотъ нашихъ солдатъ могли бы въ нѣсколько часовъ прекратить дальнѣйшія звѣрства,— ясно показываетъ, что о прекращеніи возстанія бухарское правительство и не помышляло, и быть можетъ кушъ-беги даже былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы убійства продолжались, дабы дать возможность собраться большей толпѣ персовъ, стекавшихся со всѣхъ кишлаковъ и съ помощью ихъ залить Бухару кровью суннитовъ.

Послѣ такого заявленія кушъ-беги, генералъ-лейтенантъ Лиліенталь, до полученія дальнѣйшихъ инструкцій свыше, не счелъ возможнымъ активно вмѣшаться въ бухарскія дѣла. Онъ остался съ отрядомъ внѣ города и послѣ объѣзда русскихъ учрежденій измѣнилъ только порядокъ охраны ихъ, приказалъ убрать отдѣльные посты, выставленные мѣстами на улицѣ, поставилъ сильныя охраны въ банкѣ и среди торговыхъ конторъ, а также въ почтово-телеграфной конторѣ и больницѣ.

Однако, храбрости кушъ-беги хватило не на долго. Весь гордый тонъ и самоувѣренность бухарскаго правителя лопнули какъ мыльный пузырь, когда изъ своего дворца, черезъ окно, онъ увидѣлъ на Регистанѣ, громадномъ плацу передъ его дворцомъ, тысячную толпу бухарцевъ, собравшихся здѣсь совсѣмъ не съ мирными цѣлями.

Забывъ про то, что какихъ нибудь два часа назадъ онъ гордо заявлялъ, что въ помощи русскихъ не нуждается кушъ-беги отправилъ посланца къ генералъ-лейтенанту Лиліенталю, прося помощи русскихъ и сообщая, что Регистанъ занятъ народомъ, намѣревающимся штурмовать цитадель, единственный опорный пунктъ въ Старой Бухарѣ, гдѣ сосредоточены дворцы самого эмира и кушъ-беги, гдѣ находится бухарская казна и всѣ высшія правительственныя учрежденія.

Взятіе бухарцами цитадели было бы равносильно крупному политическому перевороту, такъ какъ въ этомъ случаѣ явилось бы явное возстаніе противъ самого эмира и его ореолу суждено было бы померкнуть, разъ на-

родъ переступилъ бы эту грань недопустимаго самимъ шаріатомъ. Извѣстно, что въ деспотическихъ странахъ нужно, чтобы была переступлена именно эта грань вѣкового раболѣпія передъ властелинами и тогда ихъ ореолъ моментально меркнетъ и вчерашній властелинъ сильный, могущественный, великій, на котораго народъ смотрѣлъ какъ на Бога, сегодня превращается въ презираемаго всѣми, ничтожнаго человѣка.

Повидимому, это обстоятельство учелъ хитрый и умный Астанакуль бегъ-бій и зная, что ненавидящій его народъ, первымъ дѣломъ снесетъ его голову,—обратился за помощью къ русскимъ.

Просьба о помощи застала генерала Лиліенталя въ русско-китайскомъ банкѣ. Тотчасъ же по просьбѣ генерала Лиліенталя поѣхалъ на Регистанъ уважаемый бухарскимъ населеніемъ, завѣдывающій русскою канцеляріею Бухарскаго правительства при политическомъ агентствѣ въ Новой Бухарѣ г. Мирбадалевъ. Ему очень скоро удалось успокоить толпу и она разошлась, очистивъ Регистанъ.

Курьезно то, что когда кушъ-беги увидѣлъ изъ своего дворца, что народъ разошелся и его жизни не угрожаетъ опасность, онъ послалъ генералу Лиліенталю извѣщеніе о томъ, что *вышло недоразумѣніе, народъ приходилъ къ нему только съ докладомъ и что въ помощи русскихъ войскъ онъ не нуждается*

Кровавыя волненія не прекращались. Утромъ, часовъ въ одиннадцать, было получено извѣстіе о томъ, что служащій кушъ-беги персъ Ходжи-Кифиръ разѣзжаетъ по городу и разстрѣливаетъ народъ изъ винтовки. Возмущенное бухарское населеніе бросилось въ суннитскіе кварталы и стало убивать живущихъ тамъ персовъ. По офиціальнымъ даннымъ, было убито около 50 человѣкъ, хотя опять таки, по слухамъ, цифра убитыхъ значительно больше. Одновременно съ этимъ начался массовый погромъ персидскихъ лавокъ, разбиваемыхъ одна за другой, причемъ товаръ частью уничтожался, частью разносился по домамъ.

Бухарцы появились въ еврейскомъ кварталѣ и подъ угрозой погрома потребовали у бухарскихъ евреевъ оружіе. Послѣдніе сильно перепугались и исполнили требованіе. Очевидцы рассказываютъ, что въ этотъ день бухарскіе евреи ожидали погрома и если бы не присутствіе русскихъ войскъ, то вполне возможно, что погромъ былъ бы въ дѣйствительности.

Несмотря на такое до крайности обострившееся положеніе, когда можно было ожидать съ минуты на минуту грандіозной рѣзни и зарева пожара надъ всей Старой Бухарой, бухарское правительство ровно никакихъ мѣръ не принимало; кушъ-беги по прежнему бездѣйствовалъ въ своемъ дворцѣ, а населеніе даже совершенно забыло о существованіи эмира, который несмотря на то, что жилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ района волненій, ни разу не выказывалъ признаковъ жизни.

Повторяю, стоило эмиру бухарскому показаться толпѣ и обѣщать самыя мизерныя реформы и все бы успокоилось и не было бы дальнѣйшихъ жертвъ.

Ознакомившись съ положеніемъ вещей, генераль Лиліенталь снова отправился къ кушъ-беги, потребовалъ отъ него принятія мѣръ успокоенія,

или если онъ своими силами не можетъ прекратить волненій, то чтобы призвалъ на помощь русскія войска, которыя быстро успокоятъ народъ.

Однако, кушъ-беги и на этотъ разъ отказался отъ русской помощи, въ то же время не принимая никакихъ мѣръ для подавленія возстанія.

Одновременно съ этимъ, политическимъ агентомъ въ Бухарѣ была получена телеграмма отъ министра иностранныхъ дѣлъ, въ которой предлагалось передать немедленно эмиру бухарскому требованіе русскаго правительства принять необходимыя мѣры для успокоенія.

Для передачи этого требованія русскаго правительства былъ командированъ въ Кермине къ эмиру драгоманъ агентства г. Шульцъ. До полученія отвѣта отъ эмира было рѣшено въ бухарскія дѣла не вмѣшиваться, а только охранять русскія учрежденія.

Русскія войска стали готовиться къ занятію Старой Бухары. Было ясно, что въ концѣ концовъ это неизбежно и еще въ разговорѣ съ кушъ-беги, генераль Лиліенталь заявилъ ему, что если на другой день вновь повторятся грабежи и убійства, то онъ съ войсками войдетъ въ городъ, займетъ цитадель и прекратитъ волненія силой.

Занятіе цитадели было необходимо, такъ какъ это единственный опорный пунктъ въ Старой Бухарѣ и только въ этомъ мѣстѣ русскія войска были бы въ полной безопасности.

Генераль Лиліенталь, ввиду возможности занять на другой день такой большой городъ, съ кривыми узкими улицами, многочисленными базарами, считалъ свои силы недостаточными для возстановленія полного порядка и по его просьбѣ было получено новое подкрѣпленіе въ составѣ двухъ ротъ усиленнаго состава и двухъ сотенъ 2 уральскаго казачьяго полка.

Вечеромъ было получено сообщеніе, что вооруженныя толпы, собранныя по кишлакамъ турецкими эмиссарами, устраиваютъ митинги и намѣрены ворваться въ городъ. Дѣйствительно, слухъ этотъ подтвердился и на другой день утромъ русскими и бухарскими войсками была задержана десятитысячная толпа, направлявшаяся въ городъ.

Можно себѣ представить что за ужасное побоище было бы и во что обратилась бы Старая Бухара,—если бы эта наэлектризованная, фанатичная толпа, разныхъ народностей, ворвалась бы въ городъ.

Опять распространились слухи, что готовится еврейскій погромъ. Бухарскіе евреи, перепуганные, стали посылать телеграммы въ Ташкентъ къ развину А. Л. Кирснеру, прося его ходатайствовать передъ генераль-губернаторомъ о защитѣ и затѣмъ обратились за помощью къ ген. Лиліенталю. Последний ихъ успокоилъ заявивъ, что погрома онъ не допуститъ и по его указанію въ европейскихъ кварталахъ были усилены наряды охраны. Всѣ русскія учрежденія стали вывозить цѣнности въ Новую Бухару.

13 января рано утромъ кушъ-беги отправилъ письмо къ генералу Лиліенталю прося его придти съ войсками на помощь къ цитадели къ 7¹/₂ часамъ утра.

По полученіи этого письма, русскія войска двинулись въ Старую Бухару, въ полномъ порядкѣ прошли весь городъ, встрѣченныя совершенно спокойно населеніемъ и заняли цитадель.

Когда цитадель уже была занята русскими войсками и послѣднія въ ней расположились, получена была телеграмма отъ драгомана г. Шульца, въ которой сообщалось, что эмиръ бухарскій считаетъ для себя *неудобнымъ пріѣхать въ Старую Бухару и показаться народу, но что вмѣсто него пріѣдетъ наслѣдникъ Тюря-Джанъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ эмиръ просилъ русскія войска городъ не занимать.

Кушъ-беги и политическій агентъ г. Рѣшетовъ убѣждали генерала Лиліенталя немедленно *снять отряды и выйти изъ города*. Послѣдній наотрѣзъ отказался, заявивъ, что шутить съ русскими войсками бухарскому правительству не приходится и что разъ войска призваны и цитадель ими занята, то уйти до прекращенія безпорядковъ невозможно, что это уронило бы русское имя въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Однако, политическій агентъ г. Рѣшетовъ настаивалъ на своемъ и генералу Лиліенталю пришлось послать телеграмму въ Ташкентъ къ командующему войсками прося указаній. Вскорѣ отъ послѣдняго была получена отвѣтная телеграмма, возлагавшая на генерала Лиліенталя отвѣтственность за продолженіе безпорядковъ.

Послѣ занятія города генераль Лиліенталь просилъ кушъ-беги собрать въ цитадели всѣхъ муллъ суннитскаго толка. Когда послѣдніе собрались, генераль Лиліенталь обратился къ нимъ съ рѣчью, убѣждалъ успокоиться и успокоить народъ, дабы послѣдній прекратилъ ужасную рѣзню, которая уже унесла съ обѣихъ сторонъ столько человѣческихъ жертвъ.

Муллы внимательно слушали и наконецъ заявили, что готовы начать агитировать успокоеніе.

Когда разошлись муллы, было получено сообщеніе о томъ, что громадныя толпы вооруженныхъ людей двигаются изъ окрестныхъ селеній къ городу. По наведеннымъ справкамъ сказалось, что въ полуверстѣ къ югу отъ воротъ Намаза двигается толпа въ двѣ или три тысячи человѣкъ, состоящая изъ арабовъ и узбековъ. Тотчасъ же туда были посланы войска съ пулеметами. Толпа, не дойдя до города и увидѣвъ казаковъ, остановилась.

Въ это время пріѣхали муллы и стали уговаривать толпу разойтись, доказывая, что теперь ничьей помощи больше не нужно, что жизнь населенія въ полной безопасности, такъ какъ городъ занятъ русскими войсками, которыя поддерживаютъ образцовый порядокъ.

Затѣмъ къ толпѣ съ успокоительной рѣчью обратились наши офицеры.

Все это имѣло на толпу огромное вліяніе и успокоившись, она немедленно разошлась по кишлакамъ.

Такимъ же путемъ была успокоена и разошлась толпа персовъ числомъ въ тысячу человѣкъ, направлявшаяся къ Каракульскимъ воротамъ и еще толпа персовъ, такой же численности направлявшаяся къ воротамъ Шахъ-Джаляль.

Такимъ образомъ, первыя слова умиротворенія, сказанныя населенію, дали прекрасные результаты и грандіозное побоище, съ тысячными человѣческими жертвами было предотвращено.

Это обстоятельство лишній разъ указываетъ, что бухарское правитель-ство, при извѣстномъ желаніи, могло бы успокоить народъ въ началѣ вол-

неній, не было бы тогда столькихъ жертвъ но, повидимому, это было не въ интересахъ бухарскаго правительства.

Вечеромъ 13 января наши казаки объѣзжали городъ и базары. По просьбѣ жителей, генераль Лиліенталь усилилъ охрану въ Новой Бухарѣ. Носились слухи о готовящихся новыхъ нападеніяхъ.

14 января былъ днемъ глубокаго траура въ Старой Бухарѣ.

Озвѣрѣвшее населеніе стало приходить въ сознаніе и очнувшись отъ кроваваго угара, увидѣло то ужасное, что само же оно сотворило.

Увидѣло и содрогнулось.

Въ сущности, бухарскій народъ довольно миролюбивый и не любитель кровавыхъ эксцессовъ.

А между тѣмъ Старая Бухара представляла изъ себя ужасное зрѣлище.

По улицамъ трупы убитыхъ. Ужасные трупы, съ вывалившимися внутренностями, съ разбитыми черепами. Лужи человѣческой крови. Кровью обмазаны зданія. Попадались дѣтскіе трупы.

Озвѣрѣвшіе фанатики никого не щадили, ни женщинъ, ни дѣтей.

А въ довершеніе ужасной картины опустѣвшіе базары, разбитыя и разграбленныя лавки.

Ужасная картина!

Довольно крови. Представители обѣихъ враждовавшихъ сторонъ обратились за помощью къ генералу Лиліенталю, для сбора труповъ.

Генераль Лиліенталь далъ каждой сторонѣ по сотнѣ казаковъ, а въ центральныхъ мѣстахъ, кромѣ того еще по пулемету. Но опасаться волнений было напрасно, ибо въ такую тяжелую минуту едва ли у когонибудь поднялась бы рука.

Повторяю, 14 января въ Старой Бухарѣ было днемъ тяжелаго траура.

Населеніе слонялось по городу разыскивая трупы убитыхъ по улицамъ, во дворахъ на чердакахъ и даже въ отхожихъ мѣстахъ. По городу раздавался душу раздирающій плачъ.

Отецъ находилъ изуродованный трупъ своего сына, сынъ находилъ трупъ отца, мужъ находилъ убитую жену, жена—убитаго мужа.

Говорятъ, что встрѣчались такія картины, что даже люди съ крѣпкими нервами, никогда не видѣвшіе слезъ на своихъ глазахъ,—плакали.

Въ этотъ день ни одного кроваваго столкновенія не было.

Убитыхъ было найдено сравнительно немного, такъ какъ большинство труповъ было еще раньше похоронено, на что указывали ряды новыхъ свѣжихъ могилъ на кладбищѣ.

Въ Бухарѣ наступало упоскоеніе и нужно было только соединить комунибудь руки враждующихъ сторонъ, чтобы жизнь снова вошла въ нормальное русло.

Эта великая заслуга принадлежитъ всецѣло генераль-лейтенанту Лиліенталю.

Онъ поѣхалъ къ мулламъ уговорить ихъ успокоить народъ и протянуть другъ другу руку примиренія.

Старшій мулла шітовъ Муштеидъ, почтенный старецъ, потомокъ про-

рока, почитаемый населеніемъ, со слезами на глазахъ рассказывалъ генералу Лиліенталю о кровавыхъ событіяхъ; говорилъ, что его хотѣли убить и если бы на защиту не пришли триста человѣкъ вооруженныхъ персовъ,— то навѣрное убили бы.

По приказанію генер. Лиліенталя Муштеидъ и окружавшіе его вооруженные персы, подъ сильной охраной были отправлены за городъ.

Затѣмъ генераль Лиліенталь объѣхалъ весь городъ, и между прочимъ былъ въ медресе.

Народъ всюду встрѣчалъ его радостно, какъ умиротворителя, устраивалъ при его приближеніи оваціи, жаловался, что такой рѣзни не помнятъ ихъ отцы и дѣды, и что до такого ужаса страну довелъ кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бій и его приближенные персидскіе чиновники.

И вездѣ слышалась одна эта жалоба и просьба наказать виновниковъ и удалить изъ Бухары кушъ-беги Астанакуль бегъ-бія и Сеидъ-Али, одного изъ командировъ бухарскаго батальона, лично принимавшаго участіе въ убійствахъ.

Эти жалобы ясно указываютъ, что бухарскія волненія носили политической характеръ и что это было совсѣмъ не „обычное въ мусульманскихъ странахъ явленіе“, какъ высказалъ сотруднику „Русскаго Слова“ полковникъ Исфандіаровъ.

Характерно отмѣтить, что изъ всѣхъ бухарскихъ чиновниковъ только Мирабадалеву, главному раису и шахризьбскому беку народъ выражалъ благодарность и это были единственные лица бухарскаго правительства, не запятнавшія себя во время рѣзни и даже наоборотъ, разумными мѣрами и увѣщаніями, не мало способствовавшія уменьшенію народнаго бѣдствія.

Населеніе просило генерала Лиліенталя довести о подвигахъ этихъ лицъ до свѣдѣнія Государя Императора.

Затѣмъ населеніе просило передать Государю Императору благодарность за присылку русскихъ войскъ, водворившихъ порядокъ.

Больше всего раздавались просьбы, *чтобы эмиръ бухарскій больше не назначалъ начальниковъ изъ персовъ и чтобы шіитамъ были даны ихъ прежнія одежды—синія чалмы.*

Муллы обѣщали персовъ больше не убивать и заняться обычными дѣлами.

Долго ожидаемый пріѣздъ наслѣдника эмира Тюря-Джана, наконецъ, состоялся и онъ прибылъ на вокзалъ желѣзной дороги.

На вопросъ генерала Лиліенталя можетъ ли онъ ручаться за спокойствіе и безопасность жителей въ Старой Бухарѣ, Тюря-Джанъ далъ уклончивый отвѣтъ.

По прибытіи Тюря-Джана нашъ политическій агентъ г. Рѣшетовъ опять повелъ ту же, довольно странную политику, предлагая русскимъ войскамъ очистить цитадель.

Однако, это странное требованіе выполнить было невозможно, такъ какъ русскіе солдаты только въ цитадели были въ полной безопасности и, повидимому, по этой причинѣ генераль Лиліенталь до полнаго успокоенія, не счелъ возможнымъ покинуть цитадель.

Тюря-Джанъ выѣхалъ въ Старую Бухару при громадномъ стеченіи народа, который встрѣтилъ его радостно, плакалъ, жаловался на своихъ обидчиковъ Астанакуль-бегъ-бія и его приближенныхъ.

Тюря-Джанъ быстро проѣхалъ городъ, не останавливаясь, не проронивъ ни одного слова.

Такъ требовалъ бухарскій этикетъ, по которому простой народъ не долженъ видѣть своего властелина.

Такой церемонный пріѣздъ наслѣдника едва ли могъ успокоить населеніе.

Оставалось представителямъ русской власти вмѣшаться въ это дѣло, что съ большимъ успѣхомъ и выполнилъ генераль Лиліенталь.

15 января утромъ къ генералу Лиліенталю по собственному почину явились представители мусульманскаго духовенства, депутаціи отъ купцовъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ и депутація отъ евреевъ для выраженія благодарности за принятіе мѣръ къ успокоенію населенія. Депутаціи просили довести до Государя Императора чувства благодарности бухарскаго населенія за оказанную ему помощь.

По предложенію генерала Лиліенталя представители враждовавшихъ сторонъ протянули другъ другу руки мира и поцѣловались.

Это было началомъ всеобщаго примиренія.

Затѣмъ представители шіитскаго и суннитскаго духовенства отправились на Регистанъ, гдѣ къ этому времени собралось громадное количество народа. Два высшихъ духовныхъ лица, представители суннитскаго и шіитскаго духовенства вышли къ народу и на глазахъ его, при всеобщемъ ликованіи подали другъ другу руки, соединенныя торжественно рукою генерала Лиліенталя и поцѣловались.

Генераль Лиліенталь обратился къ народу съ рѣчью, въ которой указалъ, что старшіе представители ихъ примирились, что нужно кончить братоубійственную вражду, вернуться къ мирной жизни, къ обычнымъ занятіямъ.

Народъ радостными криками выражалъ свое полное согласіе.

Затѣмъ примирительныя рѣчи были произнесены многими старѣйшими духовными лицами суннитскаго и шіитскаго толка.

Картина всеобщаго примиренія была очень торжественная и произвела на населеніе сильное впечатлѣніе.

Въ 2 часа дня генераль Лиліенталь съ главнымъ раисомъ выѣхалъ съ Регистана на базары и другія людныя мѣста, сообщая о состоявшемся примиреніи и призывая народъ бросить вражду и вернуться къ своимъ занятіямъ.

Жизнь Бухары постепенно начинала входить въ нормальное русло.

16 января генераль Лиліенталь совмѣстно съ главнымъ раисомъ и Муштеидомъ опять объѣзжалъ городъ. Лавки уже были открыты, базары и чайханэ переполнены народомъ. Персы смѣшались съ бухарцами, мирно бесѣдовали, какъ будто никакой вражды между ними не было и никакіе внѣшніе признаки не указывали, что нѣсколько дней назадъ эти же люди перерѣзывали другъ другу горла.

17 января по внѣшнему виду въ Старой Бухарѣ закипѣла обычная

трудовая жизнь, наступило, какъ казалось, полное успокоеніе и наслѣдникъ эмира Тюря-Джанъ заявилъ, что оставаться далѣе въ Старой Бухарѣ русскимъ войскамъ не имѣетъ смысла.

Въ 3 часа дня генераль Лиліенталь съ войсками выступилъ изъ Старой Бухары къ вокзалу. Тюря-Джанъ простился съ нашими войсками, наградивъ офицеровъ медалями и орденами.

Войска, при громадномъ стеченіи народа прошли подъ музыку весь городъ, провожаемая до самыхъ воротъ главнымъ раисомъ и Муштеидомъ. Генераль Лиліенталь обратился къ народу въ послѣдній разъ съ успокоительной рѣчью, а народъ въ отвѣтъ благодарилъ русскія войска за оказанную помощь.

17 января вечеромъ въ Бухарѣ мѣстами, если не было кровавыхъ волненій, то все же не замѣтно было полного успокоенія.

На базарахъ, въ чайханѣ шли оживленные разговоры о пережитомъ. Народъ сильно взволновало появленіе брата Астанакуль бегъ-бія въ городѣ, который по прибытіи занялся *обычной работой* и несмотря на могущія повториться волненія, сталъ собирать „зякетъ“.

Повидимому, даже кровавыя волненія не могутъ заставить бухарскихъ чиновниковъ забыть про взиманіе податей, и чуть ли не на другой день послѣ кровавыхъ волненій, возникшихъ именно изъ за взиманія податей, чиновники, какъ ни въ чемъ не бывало, самымъ хладнокровнымъ образомъ собираютъ тѣмъ же порядкомъ подати, забирая послѣднее имущество, если нѣтъ денегъ.

Самъ Астанакуль бегъ-бій, какъ указывали официальные источники, былъ смѣщенъ съ должности, на самомъ же дѣлѣ онъ нашелъ себѣ хорошій пріютъ у эмира, проживалъ въ Керминенскомъ дворцѣ, пользуясь большимъ почетомъ, окруженный всѣми благами и этотъ виновникъ народнаго бѣдствія оставался, да повидимому и останется совершенно безнаказаннымъ. За время своего *служенія* въ Бухарѣ онъ скопилъ немалыя богатства, и на кровныя деньги бухарскаго народа построить себѣ гдѣ нибудь въ Персіи не одинъ пышный дворецъ.

Эта полная безнаказанность виновниковъ рѣзни сильно волновала населеніе. Опять раздавались голоса, чтобы выдворили изъ Бухары всѣхъ персовъ. Раздавались голоса, что персовъ убито меньше чѣмъ бухарцевъ и нужно отомстить кровь за кровь. Въ медресе были небольшія сходки. Турецкіе эмиссары и другіе коноводы возбуждали населеніе къ новому возстанію.

Но, населеніе устало. Энтузіазмъ прошелъ. Наступило обычное восточное флегматическое состояніе и еще при томъ бухарцевъ сдерживало присутствіе невдалекѣ русскихъ войскъ, которыя при возникновеніи безпорядковъ, снова заняли бы городъ.

Наружные признаки указывали, что въ Старой Бухарѣ наступило полное успокоеніе.

„Кто бы могъ подумать, пишетъ корреспондентъ „Турк. Курьера“ г. Нѣжинскій, „глядя на эти наивно блаженные лица бухарцевъ, что въ нихъ совсѣмъ недавно, нѣсколько дней назадъ таилось столько ненависти и звѣр-“

ства. Вотъ и послѣ всего этого кроваваго урагана видишь попрежнему мирно бесѣдующихъ людей, флегматичныхъ и спокойныхъ и не хочется вѣрить, что нѣсколько дней назадъ они съ яростью дикихъ звѣрей сновали по городу, вооруженные дубинами и кинжалами. Теперь нѣтъ и слѣда злобы и вражды. Всѣ улыбаются и съ удивительнымъ спокойствіемъ рассказываютъ, какъ ихъ руки были обагрены кровью, съ пафосомъ оповѣщаютъ, сколько человѣкъ пало отъ ихъ рукъ. Муллобачи, которые въ дни волненій метали искры изъ глазъ при видѣ человѣка, похожаго на перса, рыскали по всѣмъ улицамъ и сараямъ розыскивая новыя жертвы,—теперь спокойно, съ книгой въ рукахъ разсуждаютъ о догматахъ религіи, такъ же хладнокровно, съ тѣмъ же апатичнымъ восточнымъ выраженіемъ лица, какъ это они дѣлали до „кроваваго урагана“.

Однимъ словомъ, въ Бухарѣ, повидимому, наступило полное успокоеніе. Опять началась обычная трудовая жизнь. Вернулись къ своимъ обязанностямъ и бухарскіе чиновники, неизвѣстно куда исчезнувшіе въ дни волненій, и теперь тѣмъ же порядкомъ, хищническимъ способомъ взимаютъ „зякетъ“ и „хераджъ“, забирая у неимущаго послѣднее достояніе, а если этого мало, то уводя отъ него для продажи дочь или сына.

И по прежнему бухарскій народъ стонетъ подъ непосильнымъ гнетомъ восточнаго деспотизма.

Многіе задаютъ вопросъ, можно ли считать бухарскія волненія окончательно закончившимися и можетъ ли русское населеніе Бухары проживать тамъ спокойно, не боясь за свою жизнь при повтореніи новыхъ безпорядковъ.

Конечно, если бы бухарскія волненія носили „обычный въ мусульманскихъ странахъ характеръ“ какъ въ угоду бухарскому правительству заявлялъ полковникъ Исфандіаровъ, то придавать имъ важное значеніе для русскаго населенія едва ли приходилось бы. Но полковникъ Исфандіаровъ въ угоду бухарскому правительству, которому, конечно, выгодно успокоить русское правительство, дабы послѣднее не вмѣшалось паче чаянія въ бухарскія дѣла—слишкомъ разошелся съ истиной. Бухарскія волненія, подготовлявшіяся прочной, хорошо организованной подпольной организаціей носили строго опредѣленный политическій характеръ и имѣли, несомнѣнно, цѣлью произвести въ Бухарѣ крупный переворотъ.

Надежды возставшихъ не оправдались. Силы оказались не на ихъ сторонѣ. Возстаніе некультурнаго народа, вѣками гонимаго и притѣсняемаго, превратилось въ грубую безсмысленную рѣзню и грабительскій погромъ, и это погубило все дѣло.

Зарядъ народнаго энтузіазма пропалъ даромъ и нужно опять нѣкоторое время, чтобы обычно флегматичные, мирно настроенные бухарцы снова взялись за оружіе.

Когда наступитъ это время, предугадать, конечно, трудно, но всѣ данныя указываютъ, что рано или поздно, оно неминуемо наступитъ.

Населеніе долго крѣпилось и наконецъ, преступило Рубиконъ, подняло возстаніе. А разъ этотъ Рубиконъ перейденъ, разъ вѣра въ правительство рухнула и населеніе осмѣлилось поднять на него свою руку, то теперь уже его ничто не остановитъ и вспыхнетъ ли возстаніе черезъ мѣсяцъ или черезъ полгода, все зависитъ иногда отъ случая.

Населеніе не могло успокоиться уже потому, что всѣ причины, вызвавшія возстаніе, остались на лицо и никакихъ реформъ, необходимыхъ для населенія Бухары, эмиръ не далъ.

Налоговая система осталась прежней и тѣмъ же порядкомъ взимается съ населенія. У власти остались все тѣ же ненавистные народу персы-чиновники и кто знаетъ, быть можетъ Астанакуль-бегъ-бій, нынѣ находящійся при дворцѣ эмира, въ недалекомъ будущемъ снова получитъ важное назначеніе.

Биновники безпорядковъ остались совершенно безнаказанными и о судѣ надъ ними что-то совсѣмъ не слышно. Вмѣшаться въ это дѣло русское правительство не можетъ, оно имѣетъ право требовать только возмѣщеніе убытковъ, нанесенныхъ Россіи бухарскими волненіями, а само бухарское правительство—этотъ главный виновникъ безпорядковъ, едва ли окажется на такой высотѣ, что учинитъ судъ надъ самимъ собой.

При такихъ условіяхъ, когда ненормальности бухарскаго строя остались въ прежней силѣ, нельзя говорить о полномъ успокоеніи.

И дѣйствительно, если ближе присмотрѣться къ внутренней жизни Бухары, то ни о какомъ успокоеніи не можетъ быть и рѣчи.

Подавленіемъ смуты довольны только торговые классы, а истые бухарцы и особенно духовенство, только смирились передъ силой. Послѣднее особенно опасно, такъ какъ въ Бухарѣ одного клича муллъ вполне достаточно, что бы все населеніе какъ одинъ человѣкъ подняло знамя возстанія, какъ это и было въ январскіе дни.

Въ бухарскихъ чайханѣ, мусульманскихъ клубахъ, во время оживленныхъ разговоровъ о прошедшихъ событіяхъ можно услышать не лестные отзывы о русскихъ, вмѣшавшихся въ бухарскія дѣла. Населеніе полагаетъ, что если бы русскіе не помѣшали, оно добилось бы необходимыхъ реформъ и если на этотъ разъ наше вмѣшательство не возстановило противъ насъ все населеніе Бухары, то при повтореніи аналогичнаго поступка русскій престижъ въ Бухарѣ окончательно упадетъ и на Россію бухарцы будутъ смотрѣть какъ на деспота.

Населеніе ожидало, что русскіе, прекративъ возстаніе, заставятъ бухарское правительство дать народу необходимыя реформы. Они напрасно ждали. Эмиръ бухарскій вернется изъ Петербурга тѣмъ же властелиномъ и никакихъ реформъ народу онъ не обѣщаетъ. Русское правительство, подавивъ бухарскую смуту, отошло въ сторону и все въ Бухарѣ осталось по старому.

Бухарское населеніе считаетъ, что русскіе не выполнили даннаго обѣщанія и только завлекли народъ въ западню.

Разувѣрившись въ русской помощи, населеніе Бухары, по слухамъ, организуется для новой борьбы.

Муллобачи покидаютъ Старую Бухару и отправляются во всѣ концы нашего края. Цѣль ихъ поѣздки неизвѣстна, но ходятъ упорные слухи, что они разъѣзжаютъ для новой агитаціи и организаціи возстанія.

Лица, пріѣхавшія изъ Старой Бухары рассказываютъ, что среди муллъ идетъ тайная агитація и что послѣдніе не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не будутъ удалены съ должностей чиновники персы и пока населенію не будутъ даны необходимыя реформы.

„Не вѣрится, пишетъ г. Нѣжинскій, чтобы то, что случилось, было такъ скоро забыто. Что то подозрительнымъ кажутся перешептыванія между муллами, что можно наблюдать въ Старой Бухарѣ довольно часто, стоитъ только собраться небольшою кучкѣ народа. И одно то, что нѣкоторые неосторожные и неопытные муллы заходятъ въ Старой Бухарѣ даже въ европейскіе мануфактурные магазины покупать револьверы и пули, наводитъ на мысль, что не такъ то ужъ все обстоитъ въ Старой Бухарѣ благополучно“.

За послѣднее время въ газетахъ „Русское Слово“, „Каспій“ и „Баку“ появились тревожные телеграммы изъ Тегерана, сообщающія, что жизни персовъ въ Бухарѣ снова угрожаетъ опасность, а „Русскому Слову“ телеграфировали о томъ, что въ Бухарѣ готовится новый погромъ. Одно время эти тревожные слухи носились и въ Ташкентѣ.

Если принять во вниманіе русскую пословицу, что „нѣтъ дыма безъ огня“ и вспомнить какъ хорошо организовывалась тайная подготовка къ январьскому возстанію, то можно предположить въ недалекомъ будущемъ рядъ новыхъ печальныхъ событій въ Бухарѣ.

Всѣ знатоки Бухары сходятся на одномъ мнѣніи, что считать бухарскія волненія закончившимися нельзя, что успокоеніе наступило только наружное, временное, на лицо имѣются всѣ матеріалы для новаго пожара и малѣйшая неосторожность, провокація, могутъ вызвать новый взрывъ, особенно принимая во вниманіе, что бухарское движеніе поддерживается изъ Турціи и Персіи.

Бухарскія волненія не имѣютъ исключительно мѣстное значеніе. При южномъ темпераментѣ народа, при его крайней фанатичности, волненія могутъ распространиться по всему ханству и даже перейти въ наши предѣлы.

Бухара можетъ оказаться тѣмъ костромъ, отъ котораго загорится весь Средне-Азіатскій міръ и потому въ интересахъ русскаго государства, а тѣмъ болѣе Туркестанскаго Края, примыкающаго къ Бухарѣ—не дать разгорѣться этому костру.

„Если не будутъ устранены вопіющія отрицательныя стороны бухарской администраціи, пишетъ приватъ-доцентъ Головачевъ въ „Рус. Словѣ“, и налоговой системы, то безпорядки начнутъ происходить во всѣхъ частяхъ Бухары, и 25,000 сброда, называемаго въ Бухарѣ войскомъ, не въ состояніи будутъ справиться съ 2½ милліоннымъ населеніемъ страны.“

Для того, чтобы русскимъ войскамъ не пришлось подавлять бухарскую революцію, нашему правительству теперь же необходимо принять энергичныя мѣры давленія на эмира и заставить его реформировать все внутреннее управленіе Бухары.

Но можно усомниться, въ состояніи ли эмиръ при всемъ своемъ желаніи, осуществить эти реформы: здѣсь нуженъ не только планъ, который не могутъ выработать его совѣтники,—необходимы еще и люди для его осуществленія. Едва ли эмиръ найдетъ ихъ среди своихъ соотечественниковъ“.

О реформахъ едва ли приходится говорить, такъ какъ исторія еще не знаетъ примѣра, когда реформы, не данныя въ моментъ возстанія, были бы дарованы народу послѣ того, какъ возстаніе закончилось пораженіемъ народа; остается надѣяться на то давленіе, которое будетъ произведено на эмира изъ Петербурга, но и эта надежда слишкомъ слаба, ибо у насъ не особенно торопятся даже съ русскими неотложными дѣлами, а послѣ блестящей, бриллиантовой поѣздки эмира въ столицу, тамъ бухарскія реформы еще долго могутъ пролежать подъ зеленымъ сукномъ.

На вопросъ, будутъ-ли находиться въ полной безопасности русскіе подданные въ Бухарѣ, въ случаѣ возникновенія тамъ новыхъ безпорядковъ, едва ли можно отвѣтить утвердительно.

Очевидцы бухарскихъ волненій указываютъ, что въ дни январьской рѣзни жизнь русскихъ подданныхъ въ Старой Бухарѣ находилась въ большой опасности. Если бы во время не вмѣшались наши войска и десяти-тысячная толпа персовъ, узбековъ и арабовъ не была остановлена у городскихъ воротъ, приготовившаяся было ринуться на городъ, то несомнѣнно въ Старой Бухарѣ произошелъ бы грандіозный погромъ и большой вопросъ, стала бы или нѣтъ эта некультурная, фанатичная лавина разбирать кто туземецъ и кто европеецъ. Бухарскимъ евреямъ одно время угрожала опасность быть разгромленными и возможно, что если бы они не отдали свое оружіе бухарцамъ—то этотъ погромъ состоялся бы въ дѣйствительности.

Вообще трудно говорить о безопасности кучки европейцевъ въ такой малокультурной странѣ какъ Бухарское ханство, населенное разноплеменнымъ, фанатичнымъ народомъ: узбеками, персами, туркменами, арабами, индусами и т. д.

Во время кровавыхъ волненій европейцамъ трудно оставаться безучастными зрителями, когда на ихъ глазахъ звѣрски вырѣзаются цѣлыя семьи, убиваются женщины и дѣти. А въ то же время стоитъ только какому нибудь европейцу вступить за кого нибудь во время рѣзни, какъ его жизни и жизни его сотоварищей будетъ угрожать серьезная опасность быть убитыми дикой, озвѣрѣвшей толпой. Нельзя не опасаться возможности провокацій. Любители чужой собственности во время волненій могутъ нарочно пустить про европейцевъ какіе нибудь слухи, чтобы возстановить противъ нихъ населеніе и вызвавъ такимъ образомъ погромъ, поживиться за счетъ европейскаго населенія.

Кромѣ того, послѣ послѣднихъ волненій популярности русскаго населенія въ Бухарѣ нанесенъ большой ущербъ. Туземцы дѣйствительно благодарили русскихъ за возстановленіе спокойствія, но выражая эту благодарность, бухарское населеніе было увѣрено, что внеся успокоеніе русскіе примутъ мѣры къ тому, чтобы бухарскому народу были даны необходимыя реформы. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что возстаніе подавлено, никакихъ реформъ народъ не получилъ и такимъ образомъ, вышло, что русское вмѣ-

шательство оказалось выгоднымъ только бухарскому правительству. Населеніе Бухары учло это обстоятельство и теперь виновникомъ своего пораженія считаетъ вмѣшательство русскихъ въ бухарскія дѣла. Это также въ значительной степени можетъ оказать нехорошую услугу для русскаго населенія въ Бухарѣ во время новыхъ волненій.

Передъ послѣдней поѣздкой въ Петербургъ эмиру понадобилось не мало денегъ на разные подарки русскимъ чиновникамъ. Для сбора этихъ денегъ по всѣмъ кишлакамъ разѣзжали бухарскіе чиновники, собирали новыя экстренныя подати, указывая, что эти деньги нужны для покупки цѣнныхъ подарковъ русскимъ чиновникамъ. Бухарцы волей-неволей тащили на базаръ послѣднее имущество, платили подати и ужъ, конечно, не одно бранное слово слетало съ ихъ устъ по адресу „гяуровъ“.

При такихъ обстоятельствахъ говорить о симпатіи бухарскаго населенія къ русскому не приходится и скрытая вражда можетъ неожиданно вылиться въ погромъ во время новыхъ волненій.

Для защиты русскаго населенія и русскихъ интересовъ въ Бухарѣ имѣется наше политическое агентство.

Газеты отмѣтили, что во время волненій наше политическое агентство въ Бухарѣ держалось какой то странной политики, выгодной для бухарскаго правительства, но въ ущербъ русскимъ интересамъ.

Въ то время, когда наши войска были въ полной безопасности находясь въ цитадели, русское политическое агентство настоятельно требовало, чтобы войска вышли изъ цитадели въ городъ, гдѣ имъ угрожала большая опасность быть убитыми въ узкихъ закоулкахъ туземнаго города.

Этотъ случай проливаетъ свѣтъ на то, чьи интересы защищаетъ русское политическое агентство въ Бухарѣ.

Оно слишкомъ желаетъ угодить эмиру и бухарскому правительству, игнорируя русскіе интересы.

Если русскій обращается въ агентство съ какой нибудь просьбой то начинается безконечная волокита и проситель, выведенный изъ терпѣнія уходитъ не дождавшись удовлетворенія своей просьбы. Покупка русскими земли въ Старой Бухарѣ, разрѣшенная ст. 12 договора, рѣдко разрѣшается и это конечно, дѣлается въ угоду бухарскому правительству.

Обращенія торговыхъ фирмъ въ агентство при взысканіи долговъ постоянно затягиваются на много лѣтъ и наши фирмы теперь уже считаютъ бесполезнымъ обращаться въ агентство, предпочитая лучше имѣть дѣло съ бухарскими посредниками.

Въ агентствѣ почти нѣтъ лицъ хорошо знакомыхъ съ краемъ, и какъ это ни странно, въ русскомъ политическомъ агентствѣ въ Бухарѣ, призванномъ для защиты русскихъ интересовъ, главную роль играетъ чиновникъ бухарскаго правительства Мирбадалевъ, умный и выдающійся человѣкъ, знатокъ края, пользующійся популярностью среди туземцевъ и у русскихъ торговыхъ фирмъ. Но всѣ эти качества все же едва ли даютъ право верховодить дѣлами нашего политическаго агентства бухарскому чиновнику!

Наше политическое агентство въ Бухарѣ слишкомъ раболѣпствуетъ

передъ эмиромъ, оно не въ состояніи высоко держать тамъ русское знамя и знатоки края находятъ, что русское достоинство въ бухарскомъ ханствѣ отстаивалъ только Лессаръ, да отчасти Игнатъевъ.

Официальныя лица находятъ, что лучшей мѣрой упорядоченія бухарскихъ дѣлъ было бы:

1) Аннексія бухарскаго ханства и введеніе въ Бухарѣ русскими немедленныхъ реформъ, но эта мѣра едва ли не своевременна.

2) Бухарское ханство поставить въ прямую зависимость отъ Туркестанскаго генераль губернатора и черезъ послѣдняго вести всѣ сношенія съ Бухарой. При нынѣшнемъ политическомъ агентствѣ наши интересы въ Бухарѣ защищены недостаточно. Желательно учредить при эмирѣ бухарскомъ особый совѣтъ изъ лицъ, уполномоченныхъ русскимъ правительствомъ для проведенія необходимыхъ реформъ и контроля за ихъ исполненіемъ.

3) Или, наконецъ, настоятельно совѣтовать эмиру приступить немедленно къ проведенію необходимыхъ реформъ и поставить ханство въ прямую зависимость отъ туркестанскаго генераль губернатора, съ возложеніемъ на послѣдняго контроля за исполненіемъ этихъ реформъ.

О необходимости вмѣшательства въ бухарскія дѣла настаиваетъ въ своей книгѣ „Экономическій очеркъ Бухары и Туниса“, знатокъ края А. Губаревичъ-Радобыльскій.

„Въ настоящее время эмиры располагаютъ капиталомъ, не менѣе чѣмъ въ 20 мил. рублей. Этотъ капиталъ хранится преимущественно въ золотѣ, а можетъ быть и въ банкахъ въ Лондонѣ и Индіи, помѣщенный тамъ при посредствѣ пешаверскихъ купцовъ. Вѣроятно, милліона четыре у эмировъ имѣется въ подвалахъ „Арка“ (дворца въ Бухарѣ), въ ямбахъ и въ теньгѣ.

„Изъ казны эмировъ ничего не расходуется на страну, а такъ какъ оба эмира и Музаффаръ и нынѣшній Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ весьма бережно расходуютъ и на свою личную жизнь свои средства, то они и въ видѣ расходовъ двора не возвращаютъ странѣ ничего взятаго съ нея и національный капиталъ, скапливаясь въ видѣ личной казны эмировъ, въ теченіе уже тридцати лѣтъ находится безъ всякаго движенія и вліянія на финансовую и экономическую жизнь государства.

„Такое положеніе вещей становится не отвѣчающимъ русскимъ задачамъ въ Бухарѣ и уже при назначеніи политическимъ агентомъ г. Игнатъева въ 1895 году возникало предположеніе объ иной постановкѣ органа Россіи для контроля за управленіемъ ханствомъ.

„Не сознать того, что европейское государство—Россія должна по примѣру Франціи въ Тунисѣ руководить жизнью варварской азіатской страны для ея блага—это значитъ отказаться отъ мысли, что мы имѣемъ цивилизаторскія задачи, которыя унаслѣдовали отъ великихъ людей, умѣлыхъ сподвижниковъ незабвеннаго Императора Александра II-го освободителя

всѣхъ народовъ, племенъ и населеній громадной имперіи Бѣлаго Царя, а этотъ Бѣлый Царь уже давно въ воображеніи бухарца является спасителемъ его несчастной страны. И только отъ него бухарецъ ждетъ измѣненія своей тяжелой участи".

Это было написано пять лѣтъ тому назадъ, а позднѣйшій изслѣдователь Бухары г. Логофетъ *) уже свидѣтельствуетъ, что вѣра эта пошатнулась, что въ сердцахъ бухарцевъ уже накопилась глухая ненависть противъ Россіи. Вотъ куда ведетъ насъ близорукая политика дастархановъ и парадныхъ обѣдовъ.

Идея преобразованія бухарскаго политическаго агентства на началахъ фактическаго участія въ дѣлахъ ханства еще десять лѣтъ тому назадъ горячо отстаивалась П. М. Лессаромъ, бывшимъ въ то время политическимъ агентомъ въ Бухарѣ. Глубокій знатокъ края, онъ тогда уже указывалъ на глубокую ошибочность и гибельность для русскаго престижа робкой и неустойчивой политики невмѣшательства. Но указанія его въ свое время не были оцѣнены по достоинству, и культурныя и цивилизаторскія задачи Россіи въ Азіи были принесены въ жертву сантиментальной симпатіи къ властелину бухарскаго ханства. Это одна изъ роковыхъ ошибокъ нашей политики, и нужно ее исправить, пока не поздно.

О томъ что вмѣшательство въ Бухарскія дѣла—необходимо высказывается столичная пресса.

Въ „Голосѣ Москвы“ читаемъ:

„Попытка вмѣшательства въ бухарскія дѣла уже была однажды, но кончилась неудачно.

Въ Бухару былъ командированъ ирригаціонный инженеръ, составившій, между прочимъ, смѣту на осушеніе окружающихъ Бухару болотъ, являющихся стокомъ для использованныхъ оросительныхъ водъ. Смѣта была составлена въ суммѣ около 150.000 руб., и работы предполагалось произвести за счетъ эмира. Но въ это время въ Туркестанѣ произошла смѣна генераль-губернаторовъ. Дѣло затянулось. Наконецъ, эмиръ, выбравъ удобный моментъ, заявилъ, что онъ находитъ смѣту слишкомъ дорогой и что осушительныя работы произведетъ само бухарское правительство за счетъ бухарскихъ средствъ. На этомъ дѣло и кончилось. Болота не осушены до сихъ поръ, а свирѣпствующая благодаря этому малярія безжалостно коситъ обильную жатву. Достаточно сказать, что былъ одинъ такой годъ, въ теченіе котораго вымерла $\frac{1}{10}$ часть всего бухарскаго населенія.

Между тѣмъ, ирригаціонный вопросъ является для Бухары вопросомъ жизни. Природными условіями страна обречена на гибель и должна превратиться въ пустыню, но путемъ искусственнаго орошенія безводныхъ пространствъ съ одной стороны и осушенія болотъ—съ другой, плодородность страны можетъ быть очень высокой. Существующая ирригаціонная система не соотвѣствуетъ своему назначенію. Такъ, напримѣръ, пришлось отказаться отъ попытокъ культуры американскаго хлопка, требующаго значительной влаги и притомъ въ опредѣленные сроки. На бухарское правитель-

*) См. „Голосъ Москвы“.

ство въ этомъ отношеніи разсчитывать не приходится, такъ какъ основной принципъ его финансовой и экономической политики чрезвычайно простъ: брать отъ страны все, что она можетъ дать, и ничего ей не возвращать. Отсюда—нищета, глубокое невѣжество и медленная, но вѣрная гибель населенія.

Россія не можетъ и не должна на это смотрѣть безучастно, но въ то же время очевидно, что при существующихъ отношеніяхъ съ Бухарой ничего положительнаго добиться невозможно. Туркестанскій генераль-губернаторъ и политическій агентъ въ Бухарѣ фактически безсильны оказывать серьезное вліяніе на ходъ бухарскихъ дѣлъ. Причинъ этому множество, и среди нихъ главная—полная неопредѣленность ихъ функцій по отношенію къ Бухарѣ. Съ другой стороны—вредно отзывается на дѣлѣ и дуализмъ правительства Россіи по дѣламъ Бухары, раздѣленнаго между министерствами военнымъ и иностранныхъ дѣлъ. Первое смотритъ на Бухару, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ стратегическихъ и меньше всего интересуется культуртрегерскими задачами, второе—настойчиво проводитъ политику невмѣшательства. Наконецъ, третье вѣдомство, заинтересованное въ бухарскихъ дѣлахъ непосредственно,—министерство финансовъ,—не имѣетъ здѣсь рѣшающаго значенія и до послѣдняго времени только отпускало средства государственнаго казначейства на расходы въ предѣлахъ бухарскаго ханства.

Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Выходъ только одинъ—въ полномъ пересмотрѣ существующаго положенія и коренной реорганизации политическаго агентства на началахъ, дающихъ ему право фактическаго руководства и контроля надъ бухарскими дѣлами“.

Тѣмъ или инымъ способомъ русское правительство должно настоять на проведеніи въ жизнь бухарскихъ реформъ, должно прекратить въ Бухарѣ систему восточнаго, деспотическаго угнетенія народа, каковая можетъ въ дальнѣйшемъ цвѣтущую страну превратить въ мертвую пустыню.

Это необходимо и въ интересахъ бухарскаго народа, и въ интересахъ нашего владычества въ Средней Азіи и наконецъ, въ интересахъ русскихъ подданныхъ, заброшенныхъ волею судебъ на эту далекую окраину.

Г. Цвилингъ.

